

М
К 89

ЛЕВ КУЗЬМИН

Сельские дорожки

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1984

ЛЕВ КУЗЬМИН

Сельские дорожки

Рассказы

*Рисунки
Т. Карасёвой*

СЕЛЬСКИЕ ДОРОЖКИ

Наша деревня стоит на высоком месте.

Вьются от деревни в разные стороны дорожки.

Та ныряет под яр к синей речке, другая уходит к берёзовой роще, третья широко и гладко накатана в поле... Дорожек так много, что про каждую и не расскажешь. А расскажу я лучше про тех, кто в деревне живёт, рано встаёт, спешит по утрам на сельскую свою работу, отчего и дорожки здешние не зарастают никогда.

В А Н Я

Ваня — колхозный пастух.

У Вани есть хороший конь под кавалерийским седлом. Деревенские лужайки от росы ещё сизые, а Ваня уже в седле и едет за околицу к ферме.

На ферме громкие голоса доярок, звон и стук цинковых фляг. По всему подворью тёплый запах парного молока: заканчивается утренняя дойка.

И вот ворота настежь. Ваня привстаёт в стременах, и мимо него с басовитым мычанием, с торопливым щёлканьем копыт выкатывается со двора под солнце пёстрое стадо.

Ваня гонит его меж овсяных, дымящихся белым паром полей и заворачивает в лог к тенистым перелескам.

Там Ваня за коровами не просто глядит, он коров угощает.

Найдёт за тёмными елями светлую поляну и теснит своим конём всё стадо туда. А на поляне полно не только ромашек, а и клевер-дятельник бодро топорщит под ветерком лиловые шапки, качаются попеременно с кисленьким щавелём колосистый мятлик да сочная тимофеевка.

Коровы вкусную траву так и хватают, так и хватают! Оглядываются на Ваню благодарно: «У-ух! Не поляна, а скатерть-самобранка!»

Ваня смеётся:

— Ешьте, не отвлекайтесь! Работайте!

Не одну такую полянку-самобранку найдёт он за долгий день. Возвращаясь домой, накормленные до отвала коровы уже не бегут и даже не шагают; они словно плывут по узкой дорожке к ферме, степенно покачивают боками, довольно отпыхиваются: «Пых-х... Пых-х... Пых-х...»

Доярки встречают стадо, говорят Ване:

— Ну, Ваня! Постарался опять. Сегодня, наверное, и фляг под молоко не хватит. Ты прямо какой-то чудесник, хотя и совсем ещё молодой.

А Ваня с коня глядит устало, отвечает серьёзно:

— Нет, чудеса тут ни при чём. Просто я пасу коров как полагается, с толком. Знаю: сыта коровка — полон и подойничек.

ТАНИНЫ УШАСТИКИ

Поутру Ваня отъезжает вслед за стадом к перелескам, а жена его Таня тоже торопится на работу. Она закрывает в доме истопленную печь, замкнёт на крыльце дверную цепочку вместо замка на тонкую палочку и, подхватив туфли в руки, мчится босиком по холодку вдоль берега речки.

Если кто крикнет вслед: «Ты куда это летишь?» — Таня, не убавляя ходу, тут же и ответит:

— К своим ушастикам!

А близ соснового бора у речки — летний лагерь для колхозных телят. Их там полно. Завидев Таню, они жмутся к

изгороди, тянутся влажными мордами Тане навстречу. Что, мол, так долго-то? Взрослые коровы давно мимо прошли, давно на полянах пасутся, значит, и нам завтракать пора!

И Таня ждать, терпеть их больше не заставляет. Она разгораживает загон, выпускает телят на покотину, на зелёную траву. А чтобы наедались лучше да росли скорей, рассыпает по траве ещё и сочную клеверную подкормку.

Рассыпает длинной дорожкой, одинаково для всех. Но телята малы, глупы. Им кажется, что самое-то вкусное всё ещё у Тани в охапке. И они так, вереницей, за ней и шествуют.

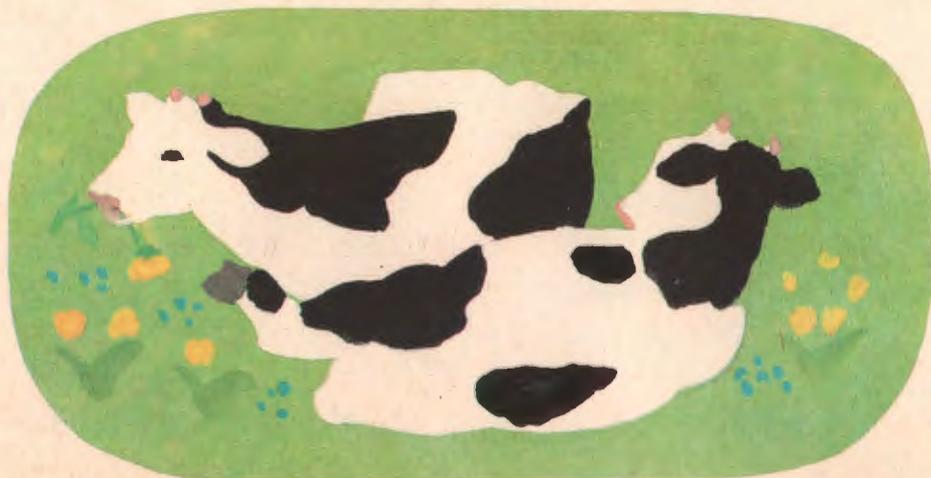
А ещё телята очень надеются, что Таня дело своё закончит и обязательно кого-нибудь из них приголубит.

Так оно и выходит вскоре. Таня кладёт свою ладонь на шёлковый загривок одной из лобастеньких, в белых чулках, тёлочке — гладит разок, другой, спрашивает:

— Хорошо?

Тёлочка, конечно, молчит, но от удовольствия жмурится. Она растопыривает уши то так, то этак, словно два солнечных, широких лопушка...

Настоящий ушастик! Рыжий, смешной, ласковый.

ПОЛЕВОЙ ХОЗЯИН

Бабка Дуня Рогожникова, её восьмилетний внук Пашка да я шли по ржаному полю домой из соседнего села, из магазина.

Пашке там купили обнову — ситцевый картуз. Пашка был довольнѐхонек и от радости всё принимался изображать самолёт. Раскинет руки, зафырчит, взобьѐт пятками пыль и помчится обочь дороги, по краю высокой ржи так, что с шумом и треском расшибаются колосья.

Бабка Дуня сначала глядела молча, потом не вытерпела:

— Забава неладная, хлеб мнёшь.

А когда внук не послушался, припугнула:

— Вот тебя полевой хозяин заберёт!

Пашка не испугался, но ему да и мне стало любопытно:

— Кто, кто заберёт?

И бабка то ли всерьёз, то ли понарошку оглянулась тревожно и давай объяснять нам, что живёт, мол, в полях этакий удивительный старичок-полевичок, почти невидимка. Зиму он зимует в соломенных скирдах, а с весны, лишь только прилетят жаворонки, начинает бродить по пашням. От людей таится, но смотрит, как люди работают. И если видит, что пахут, сеют да ухаживают за посевами хорошо, то помогает и сам.

Он сгоняет прочь с молодых зеленей обжорливых жуков, в ночные заморозки укрывает поле туманом, в сушь-беду

отпаивает ростки утренними росинками. При такой подмоге хлеба вызревают тучнее, и старичок, так же, как все деревенские, этому очень рад. А вот если кто в хлебах начнёт вольничать, тому от старичка будет лихо.

В общем, расписала нам бабка Дуня всё так, что Пашка сразу притих, стал даже оглядываться.

Но вот глядел, глядел на густую рожь, на синие в ней звёзды васильков да и выпалил вдруг:

— А хозяина этого я знаю! Только он вовсе не здесь живёт, не в хлебах, а в доме под рябинами у нас в деревне. И зовут его — Мария Петровна.

— Ты что? — опешила бабка. — Что такое городишь?

— Ничего не горожу... Полевой хозяин — никакой тебе не старичок, а Мария Петровна Сапожкова, наш агроном. В поля-то весной она ещё до жаворонков ходить начинает, она и смотрит там за всем, чтобы росло да зрело. Это я знаю точно, про это нам говорили в школе.

Бабка задумалась, потом ответила:

— Ну что ж... По нынешним учёным временам так оно, пожалуй, и есть. Только сшибать колосья не дело всё равно. Марья Петровна за такое не похвалит тоже.

— А я уж не сшибаю! — сказал Пашка, опять раскинул руки самолётом и засверкал пятками по горячей, пыльной дороге напрямик.

«БЫЧОК»

— На ласку откликается всё, даже техника! — любит говорить тракторист Вени Кокин.

Товарищи Вени весело смеются:

— А ты погладь свой тракторишко-то, погладь. Как Таня гладит телят. Тем более, что он у тебя мастью и ростом похож на бычка. Краснобокий и очень маленький.

Трактор у Вени действительно не такой большой, как у других трактористов. Но это Вению ничуть не смущает.

— Поглажу! — тут же отвечает он. — Поглажу, потому как есть за что... Вы думаете, если на ваших громобоях-ве-

ликанах можно пашню пахать, так мой «бычок» никуда негож? Не-ет! Он у меня хоть мал, да удал, мы с ним нарабатываем не меньше вашего.

И правда. Нет такой минуты, чтобы тракторок-малыш оказался без дела. То он для Таниных телят клевер косилкой срезает, то в поле картошку опахивает, то зелёный силос в ямах утаптывает, колёсами мнёт, а то буксирует, тащит из леса сырое, смолистое бревно к речному плёсу. Там плотники чинят мост, по которому возят фляги с молоком на маслозавод, а осенью ребятишки побегут в школу.

Короткая передышка у Вени бывает только в полдень, когда он заезжает домой на обед. Но и тут у него с тракторком происходит деловой разговор.

Веня сидит за столом у раскрытого на улицу, на лужайку, окна, хлебает крошку, а сам всё на своего «бычка» поглядывает, будто спрашивает:

«Ну как? После обеда ещё постараемся? Ещё малость поднажмём?»

И краснобокий «бычок» готовно тарашится на Веню фарами, тоже как будто отвечает:

«Поднажмём! Только и меня угостить не забудь. Долей в бак керосину и свежей воды в радиатор».

ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Под старыми черёмухами почти на самом речном обрыве стоит чёрная, прокопчённая кузница. Широкие двери в ней нараспашку. В дальнем углу пылает горн. Но от земляного пола, от сквознячка в раскрытых дверях, от густой над кровлею листвы в темноватой кузнице всегда прохладно.

Я захожу и вижу: мой приятель Михалыч, накинув брезентовый фартук, берёт клещи, выхватывает из горна алюю железину, прижимает к наковальне, бьёт молотом.

Летят жёлтые искры, и я вместо приветствия говорю прибаутку:

Наш кузнец-удалец,
Как всегда, молодец!
Стукнет, звякнет молотом —
Железо станет золотом!

Михалыч вскидывает на меня весёлый взгляд, разворачивается к низенькому бочонку с водой и яркую от накала и боя поковку швыряет туда.

Пш-ш-ш!.. — раздаётся громко, на всю кузницу.

А Михалыч смеётся:

— Вот что вышло из твоего золота! Пшик! Но зато...

Он выуживает из бочонка голою рукой всё ещё сизую, всё ещё тёплую, испускающую влажный пар гайку, договаривает:

— Но зато осталась вещь! Хороша?

Я принимаю железную гайку на свою ладонь, смотрю на ровные грани, отвечаю:

— Хороша... Кто заказывал?

— Веня. Вот скоро прибежит, скажет «спасибо».

— Тебе все «спасибо» говорят. Всегда.

— Правильно! — ничуть не скромничает Михалыч. — Потому и стараюсь. Эти «спасибо» мне дороже всякого золота.

БРИГАДА

— Завтра в бригаду! На луга! Сено убирать! — звенят по деревне взрослые и ребячьи голоса.

К уборке сена готовятся загодя. Собирается туда и мой хозяин Аркаша, у которого я давно живу из лета в лето.

У Аркаши, за что он ни возьмётся, всё кипит в руках. Он умеет плотничать, класть в новых избах настоящие русские печи, управлять колхозной электромельницей и даже выезживать молодых, необученных жеребят.

А нынче он берётся за рубанок и начинает мастерить грабли. Выходят они у него лёгкие, ловкие. Есть большие, с

длинным цевьём, есть поменьше. Готовит их Аркаша на всю свою семью, на всех родственников и на соседей.

Утром на площади под берёзами разворачивается тракторок Вени Кокина с высокой, на резиновом ходу телегой. Хлопают там и сям двери, стучат ступени крылец. Накидывая на ходу платки, кепки, держа на плечах грабли, деревенский люд спешит к телеге. Ребятишки сами, а взрослые подсаживая друг друга взбираются с шутками, с прибаутками наверх, на выструганные Аркашей скамейки.

Веня выглядывает из кабины:

— Готовы? Бригада в сборе?

— Давно в сборе. Поехали!

Езда не дальняя, погода ведренная — и через короткое время бригада рассыпается по луговому раздолью вдоль речки. Там сохнет ещё со вчерашнего дня подкошенное тракторными косилками сено. Теперь его, лёгкое, ароматное, как чай, надо вершить в стога. А то промедлишь — налетят ливень с грозой, и, считай, всё пропало.

Но сейчас ни за речкой, ни за лесом ничто не погромыхивает. На лугах лишь людская переключка да тарахтит бойкий тракторок. Веня подвесил к нему что-то вроде стальной пятерни; сгребальщики — женщины, старики, ребяташки-школьники — сено стаскивают в копны, а тракторок копны поддевает, подаёт на стог Аркаше и ещё одному расторопному мужичку. Тот и другой упарились, но кричат тем, кто внизу:

— Дава-ай! Дава-ай!

А воздух с каждым часом всё жарче. На горизонте возникает кучевое облако, рядом — другое. Они ширятся, растут, громоздятся, и от этого простор вокруг ещё огромнее.

Облака в неоглядном просторе как белые башни.

Стога на лугу как нацеленные в космическую синь корабли.

А люди — их косынки, майки, яркие рубахи — кажутся издали живыми, радостными цветами.

ПРАЗДНИК

Но всё же самая-то славная пора начинается вот с чего.

Над полями, над деревнею раскалённый августовский полдень. Все прячутся в тень, в холодок, лишь только агроном Мария Петровна спешит прямо по середине улицы, по солнцепёку, и в руках у неё усатый сноп ржаных колосьев.

— Смотрите, смотрите,— говорит она,— на ближних угорах хлеба поспели!

И все сразу от такой вести ахают, радостно повторяют:

— Хлеб поспел!

И вот торопятся к комбайнам комбайнеры, к грузовикам

водители, и Веня Кокин заводит своего примолкшего в тенистом углу за кузницей «бычка».

Грохоча и пыля, катит вся эта железная техника сначала одною колонной по большой дороге, а потом растекается по знойным холмам. И падает на полях под ножами комбайнов густая рожь; и едут вперевалку по колючему жнивью доверху наполненные зерном грузовики. Едут в деревню, на колхозный ток.

Зерно на току веют, сортируют. Работа здесь тоже очень жаркая. Но загорелые, потные люди смеются, поздравляют друг друга с новым хлебом, с трудовым праздником.

Много исходили они за лето стёжек-дорожек, много

переделали всякой работы, но эта — наиважнейшая. Хлеб — кормилец, хлеб — всему голова!

Стучат, шумят на току машины. Мелькают новенькие деревянные лопаты, взмётывая сыпучую рожь. Стараются в эту пору и бабка Дуня Рогожникова с внуком Пашкой.

Бабка стоит у ближнего колодца, крутит кованую рукоять. Она вытаскивает ведром студёную воду, а маленький Пашка подносит её на ток в двух белых эмалированных бидончиках. Воды надо много. Разгорячённые зноем и работой люди подставляют Пашке ладони, отплёскиваются, пьют, Пашку хвалят:

— Теперь, Пашók-петушок, и у тебя есть тоже своя трудовая тропинка. Конечно, коротенькая, но и она для нашего общего дела не пустяк.

И Пашке приятно. Пашка, позванивая бидончиками, всё бегаёт да бегаёт по тропинке, и, хотя к вечеру не чуёт под собой ног, на душе у него расчудесно. Ещё бы! Ведь нынче он почти такой же уважаемый на селе работник, как Веня, как Ваня, как Михалыч и, может быть, даже как агроном-полевод Мария Петровна.

И что там теперь ни говори, а без него, без Пашки, весь этот трудовой праздник был бы хотя и тот, да не совсем. Всё большое складывается из малого. А кто мал да удал, тот вдвое дóрог!

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Лев Иванович Кузьмин

СЕЛЬСКИЕ ДОРОЖКИ

Рассказы

ИБ № 7291

Ответственный редактор

К. Д. Аром

Художественный редактор

Б. А. Дехтерёв

Технический редактор

И. П. Савенкова

Корректор

В. В. Борисова

Сдано в набор 09.12.83. Подписано к печати 30.03.84.
Формат 60×90^{1/8}. Бум. офс. № 1. Шрифт литературный.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3. Усл. кр.-отт. 14,0. Уч.-изд.
л. 2,41. Тираж 300 000 экз. Заказ № 4323. Цена 20 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература» Государственного
комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский
пер., 1.

Орден Трудового Красного Знамени фабрика «Детская
книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного
комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли. Москва, Суцёвский вал, 49.

